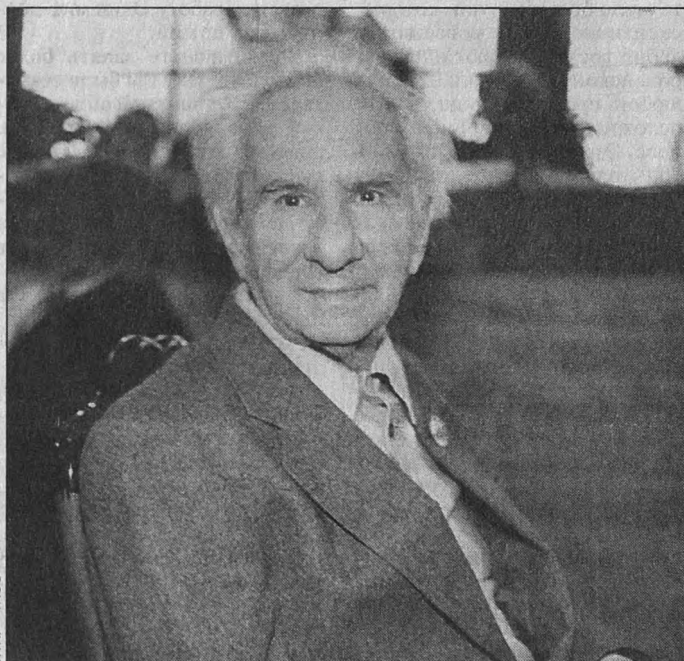

Жизнь — это такое воспоминание

В субботу в Комарово будут хоронить известного российского драматурга и киносценариста Александра Володина, автора таких пьес, как «Пять вечеров», «Старшая сестра», сценариев фильмов «Звонят, откройте дверь!», «Похождения зубного врача», «Осенний марафон». Это случайность, что последнее в жизни интервью он дал «Известиям». В тот день я позвонила ему сообщить о смерти Виктора Астафьева. Он взял трубку сразу... Потом приехала к нему на Большую Пушкинскую. Телефон стоял на тумбочке рядом с постелью: «Чтобы успеть. Мне теперь даже шаг сделать — час... Моих единомышленников все меньше. Тошно, одиноко». Мы разговаривали, как всегда с Володиным, — об ощущении жизни. Я уезжала в командировку, и он попросил: «Вернешься — позвони». Не успела. Осталась диктофонная пленка.

ИТАР-ТАСС

Юлия КАНТОР

— Юля, жизнь какая-то неурядовенная. Обо мне вспоминают по датам, моим и чужим: я уже не из тех, кого знают, а из тех, кого помнят. Свои даты не люблю, чужим радуюсь. А потом телефон молчит, все как-то идет волнами.

— «Мы вниз опускались полгода, а где же полгода, чтоб вверх? Запросы покорно понизив, согласны на осень, на снег/... На разные беды — полжизни...»

— А где же полжизни на смех? Да-да. Ты помнишь? Я думал, наизусть помнят только хорошие стихи, а ты помнишь мои... Где полжизни на смех? До сих пор не знаю — где, не успев уже узнать. Смеха действительно было немного, а счастье — иногда получалось. Счастье может быть только иногда, иначе оно — благополучие, а это скучно. Я никогда не писал ничего «социального», просто рассказывал о людях, которые дарят друг другу счастье. «Фабричная девчонка», «Пять вечеров»

— об этом, да, в общем, и «Осенний марафон» — тоже. Неброское, негромкое, но единственно настоящее счастье. Черт с ними, с начальством, с парткомами и обкомами — люди-то могут быть счастливы сами. Только они иногда этого счастья боятся, потому что перед ними было либо несчастье, либо долгое ожидание, либо и то, и другое.

— Вы писали: «...Что такое счастье?/Все непосто. Ты счастлив?/Да. А если честно?/ Нет». Всегда, Александр Моисеевич?

— И да, и нет. Вдруг, совсем неожиданно, насквозь, тебя пронзит ощущение, что кто-то тебе дорог или что-то хорошее произошло в твоей душе или в душах близких. Счастье — это такое пронзительное мгновение. А несчастье — длительное, тупое, сродни разочарованию. И все-таки счастья ждешь, оно еще более ясное после несчастья. Это солнце после грозы. Ты знаешь, у меня когда-то написались: «Длинная, долгая смерть отнимает дни у маленькой щедрой жизни»... Жизнь — это такое воспоминание. Теперь я это особенно остро

чувствую. Сейчас мне кажется, что смерть больше, чем жизнь. Это значит, что я постарел? Или поумнел? Смерть начинается тогда, когда тебя ничего не касается, когда тебе становится все равно. Все равно.

— Это кровно меня касается, а также и всех остальных. Только все делают вид, что это их не касается, а я не хочу делать вид.

— Точно. Так говорит Сережа Юрский, и он прав. А ты откуда знаешь?!

— Александр Моисеевич, это не Юрский, это — Володин.

— Брось! Правда? Я забыл. А вид я никогда не умел делать, мне всегда легче оставаться искренним. Мне с самим собой так легче. Я, наверно, эгоист. Первое ощущение жгучего стыда за участие испытал в 40-м году, когда наши таки вошли в Прибалтику. Я же в этом виноват, я же тогда был в армии. «Терплю, не подавая вида, за грех империи моей». Этот стыд за грех, вернее, грехи империи моей, меня мучает всю жизнь. У него нет срока давности. Помню, когда в Чехословакию в 68-м вошли наши

танки, я сидел в каком-то кафе. И вдруг понял: ну невозможно же молчать, ну невозможно же радоваться, когда там танки! Стукнул кулаком по столу, завопил: «Стучаки, раскрывайте свои блокноты, записывайте! Я за свободу, демократию и Чехословакию». Несколькими раз прокричал. После Чехословакии я долго не мог успокоиться... И Чечня не даст мне покоя.

— «Я не буду зависеть от разгильдяев,/ от негодяев,/ от неслучных дневных забот,/ от нелюбящих,/ и не уважающих — мимо, мимо!/ Я от этого в стороне.» Получалось быть в стороне?

— Старался. Во всяком случае — от негодяев... В 46-м году Жданов буквально убивал Зошенко хамством, враньем, партийностью. Это был, может, первый случай, когда я раз и навсегда решил — буду от негодяев в стороне.

— И аплодировали Зошенко.

— Дело было вот в чем. После ждановского постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», осуждавшего Зошенко и Ахматову, собрался весь партийно-писательский синклит. И должен был выступать Зошенко, каяться. А он не стал! Он перед этими подонками не извинялся. Гении рабству неподвластны. Заканчивая выступление, крикнул в зал: «Не надо мне вашего сочувствия, дайте мне спокойно умереть!» Этого крика, этих слов не забыть. Все жутко молчали. И тогда Израиль Меттер и я зааплодировали. В той слепой тишине.

— Есть женщины Тургеневские, есть женщины Чеховские, а есть — Володинские. Какие они — в жизни и в пьесах?

— Волнующие. Ведь в пьесы они приходят из жизни, у меня пьесы личные, как жизнь. Знаешь, что волнует меня в любой женщине? Я преклоняюсь перед ней, как перед чудом. В женщине есть мелодия, должна быть, иначе она — не женщина. Мне всегда кажется, что чудо-женщина беззащитна. Вот и получается, что любовь — это жалость и преклонение. Я всегда очень сильно любил.

Санкт-Петербург